

Логинов Александр Викторович

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРИФЕРИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ

В статье рассматриваются периферийные невопросительные функции категории интеррогативности, такие как выражение бытийности, побудительности, эмоционально-экспрессивных оттенков высказывания, а также условия их проявления, связанные с нейтрализацией категориального значения интеррогативности в конкретных коммуникативно-прагматических ситуациях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/5/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 104-108. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Подводя итоги исследования, следует отметить, что для политиков культура речи является важным фактором, который определяет их отношение к говорящему, является показателем культуры собеседника. Информанты считают, что допустимы ошибки только в речи мигрантов, а точной, правильной, логичной должна быть речь политиков. При анализе собственной речи респонденты указывали на то, что они владеют умением говорить и могут обсуждать какой-либо вопрос без предварительной подготовки в течение 30 минут, но некоторым из них хотелось бы улучшить произношение, правильность постановки ударения, выразительность и построение предложений. Респонденты понимают, что успешность их профессиональной деятельности зависит от того, насколько хорошо они владеют навыками речевого взаимодействия. У большей части анкетиремых не возникает проблем при общении, но с некоторыми группами часто не возникает взаимопонимания. Анализируя состояние современной устной речи в г. Оренбурге, почти все респонденты отметили необходимость контроля качества речи. По мнению информантов, свою речь должны совершенствовать политики и мигранты, а сдавать экзамен по русскому языку при приеме на работу – мигранты и журналисты.

Проделанная работа является частью большого сопоставительного анализа речи жителей г. Оренбурга, принадлежащих к разным социальным группам, что имеет практическую ценность для комплексного изучения языка города.

Список литературы

1. Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 5-43.
2. Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие, проблемы изучения. М., 1984. С. 6-14.
3. Колесов В. В. Язык города. Изд-е 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.
4. Харченко В. К. Современная повседневная речь. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 184 с.
5. Шарифуллин Б. Я. Языковое пространство русской Приенисейской Сибири // Ежегодник регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 46-49.
6. Шмелева Т. В. Заметки о речи новгородцев (в связи с проблемой лингвистического портретирования современного города) // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. Омск, 1997. Вып. 1. С. 30-36.
7. Юнаковская А. А. Омское городское просторечие. Лексико-фразеологический состав. Функционирование: дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1994. 172 с.
8. <http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-00b.htm> (дата обращения: 27.08.2012).

ANALYSIS AND SELF-ANALYSIS OF ORAL SPEECH BY POLITICIANS IN LANGUAGE SPACE OF REGION

Ekaterina Nikolaevna Levina

Department of Russian Philology and Russian Language Teaching Technique
Orenburg State University
karpuhina87@inbox.ru

The author analyzes modern oral speech as one of the components of a Russian city language space, describes the features of the social-linguistic survey on this problem, and pays special attention to the questionnaire survey of one social group - politicians, who acted not only as the informants reporting about their knowledge of language, but as test subjects with their values system.

Key words and phrases: modern oral speech; speech standards; language space; language of city; social linguistics.

УДК 811.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются периферийные невопросительные функции категории интеррогативности, такие как выражение бытийности, побудительности, эмоционально-экспрессивных оттенков высказывания, а также условия их проявления, связанные с нейтрализацией категориального значения интеррогативности в конкретных коммуникативно-прагматических ситуациях.

Ключевые слова и фразы: интеррогативное высказывание; функционально-семантическая категория интеррогативности; нейтрализация; риторический вопрос; побудительное высказывание; прагматическая функция.

Александр Викторович Логинов, к. филол. н., доцент
Кафедра русского языка
Педагогический институт
Мичуринский государственный аграрный университет
Loginov13av@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРИФЕРИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ[©]

Функциональная направленность интеррогативного высказывания (ИВ) выходит далеко за пределы запроса информации, охватывает не только собственно вопросительные интерпретации адресанта в коммуникативном

акте, но и опосредованные реляционные представления через различные исходящие от него дополнительные ориентации (побуждение, выражение реакции и т.д.), что отражается и на образующей категорию интеррогативности полевой системе языковых средств и значений. Это проявляется в многочисленных взаимодействиях с другими системными интеграциями (побуждение, волеизъявление, оценка, эмотивность), включающимися под определенным углом зрения в сферу интеррогативности или обнаруживающими с ней зоны частичного наложения, пересечения. Такие употребления ИВ интерпретируются как метафорические, «поскольку они опираются на базовую семантику вопроса, более того, эксплуатируют ее» [10, с. 65].

Выражение ИВ невопросительных значений в значительной степени обусловлено конкретной коммуникативной ситуацией, учитывающей как прагматические составляющие речевого акта, так и собственно языковые возможности адресанта. В прагматической вариативности инвариантом выступает синтаксическая модель или конструкция как формально-семантическое единство, а варьируется прагматическое значение в зависимости от контекстуальных условий. Одна и та же языковая структура может передавать различные коммуникативно-интенциональные содержания, которые определяются различием в наборе прагматических составляющих.

Характерной особенностью русской речи является то, что «цель высказывания не определяет тип предложения, используемого для этой цели» [3, с. 258], а правила отбора языковых средств и построения речевых единиц в разных типовых ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией обусловлены коммуникативно-прагматическими нормами абстракции, отражающими регулярную воспроизводимость основных, наиболее существенных признаков речевых реализаций в типовых ситуациях общения. Они присутствуют в сознании коммуникантов имплицитно и обнаруживаются, как правило, в ситуациях их нарушения.

Нарушения коммуникативно-прагматических норм, связанные с неоправдавшимися ожиданиями коммуникантов в конкретных речевых ситуациях, влекут за собой санкции языкового и экстралингвистического характера, которые «проявляются в затруднении понимания высказывания, в ослаблении его прагматического воздействия. Экстралингвистические санкции обнаруживаются в оценочных суждениях относительно “неуместности” употребления тех или иных языковых средств в данной ситуации общения» [6, с. 32].

По мнению Л. В. Цуриковой, «доля “невопросительных” употреблений вопросительных предложений составляет более 50%» [11, с. 15]. С этим трудно согласиться, так как та или иная категория возникает и функционирует для удовлетворения «своих» потребностей, а лишь затем происходит определенная трансформация в значении и функции, которая и приводит к некатегориальному употреблению языковых средств в речи. Если доля таких употреблений будет преобладать, то это может «переродить» функциональную направленность вопросительных высказываний.

Тем не менее для функционально-семантической категории интеррогативности эти отношения существенны, т.к. представляют определенную незамкнутость, открытость, возможность перетекания одной категории в другую, что может свидетельствовать о взаимосвязи и взаимовлиянии различных категорий современного русского языка. Такую возможность отмечают многие исследователи. Например, Н. А. Печникова характеризует вопросительную структуру как многофункциональную, гибкую, такую, которая, «оказываясь в разных коммуникативных условиях, в отношении цели высказывания может не просто трансформироваться в другой тип, а приобрести дополнительные оттенки, демонстрируя богатство переходных структур» [9, с. 9].

Подобные предложения выражают семантику совета, просьбы, пожелания, внутреннего убеждения. В этом случае речь идет о нейтрализации семы интеррогативности и актуализации других компонентов значения (бытийности или императивности) в зависимости от коммуникативной направленности высказывания, от объективных и субъективных условий речевого акта, что приводит к изменению функциональной направленности интеррогативного высказывания, когда категориальное значение вопросительного предложения отступает на второй план и служит фоном для других значений.

Тому, что интеррогативная структура допускает многочисленные и разнообразные нейтрализации, во многом способствует тот неоднократно отмеченный как логиками, так и лингвистами факт, что вопросительность как категория является более сложной, чем повествование. Это особенно относится к модальной стороне вопросительного предложения. Задавая вопрос, говорящий уже демонстрирует недостаточность, неопределенность или неполноту исходной информации, которой он обладает. Именно поэтому субъективность любого вопросительного предложения значительно выше, чем повествовательного предложения того же содержания.

Характер нейтрализации интеррогативного значения и изменение функциональной направленности высказывания могут быть различными. В одном случае нейтрализация затрагивает структурно-семантическую организацию предложения, что характерно «при воздействии экстралингвистических факторов, например, ситуации речи: при некоторых условиях предложение, оформленное подобно вопросительному, становится эмоциональным откликом на обстановку, на сложившуюся ситуацию» [4, с. 94], т.е. собственно восклицательным:

– Ты этого Данилу раньше видела? – спросила барыня Пелагею.

– Где мне его видеть? Первый раз сегодня вижу, Аксинья откуда-то привела... Черта окаянного. И откуда он взялся на мою голову! (А. П. Чехов. *Кухарка женится*).

Местоимения *где* и *откуда* «теряют» свое вопросительное значение, т.к. ситуация речи определяет переход высказываний, в которых они употребляются, из разряда вопросов в разряд ответов: первое из них синонимично высказыванию с отрицанием «*Нет, не видела*», а второе выступает как эмоциональная реакция на положение дел. Однако степень нейтрализации у них разная: это подчеркнуто и знаками препинания – вопросительным в первом высказывании и восклицательным во втором.

Чаще нейтрализация происходит в плане содержания, а вопросительная структура предложения сохраняется, приобретая «несвойственное ей значение утверждения, т.е. значение, присущее повествовательному предложению» [Там же]. Проявления нейтрализации вопросительного высказывания в каждом конкретном случае определяются различными условиями:

1) интонацией и контекстом:

– *Вы печатаете свои произведения в журналах?* – спросил у Веры Иосифовны Старцев.

– *Нет, – отвечала она, – я нигде не печатаю. Напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать? – пояснила она. – Ведь мы имеем средства* (А. П. Чехов. *Ионыч*);

2) фразеологизацией конструкции или ее компонента:

– *Какая ты умная!* – засмеялся Ковалев. – *Конечно, жаль их, но ведь они сами виноваты. Кто велел им закладывать именье? Зачем они его так запустили? И жалеть их даже не следует...* (А. П. Чехов. *Чужая беда*);

3) отрицанием **не** в неместоименном предложении:

Нелькин. Ну полноте – что это все хандрите?

Атуева. Как не хандрить?!

Нелькин. Да что у вас тут?

Атуева. Ох, – нехорошо! (А. Сухово-Кобылин. *Дело*. Д. 1. Яв. 1);

4) использованием вопроса в качестве отклика на сказанное:

– *Какое вы имеете право кричать?* – сказал я, чувствуя, что он меня оскорбляет, и начиная сам сердиться (Л. Н. Толстой. *Юность*. Гл. XVI);

5) использованием определенного места вопроса в порядке следования единиц речи. Если за вопросом дается не связанная с ответом информация, идущая от того же лица, что и вопрос, то она исключает необходимость ответа: ответ становится излишним, а функция вопроса оказывается нереализованной:

– *Проценты нужно платить, – сказал он (Михайлов – А. Л.). – Две тысячи сто рублей каждый год! А где их взять? Поневоле взвоешь* (А. П. Чехов. *Чужая беда*);

б) использованием определенной структуры предложения. Зависимая позиция в сложноподчиненном предложении (СПП): вопросительное предложение функционирует в роли придаточной части изъяснительного СПП, образуется конструкция с так называемым косвенным вопросом:

Обозначив ими (признаками) вприкидку, как на расчетном чертеже, мою тогдашнюю действительность, я тут же спрошу себя, где и в силу чего из нее рождалась поэзия. Обдумывать ответ мне долго не придется. Это единственное чувство, которое память сберегла мне во всей свежести (Б. Пастернак. *Охранная грамота*. Ч. 1. Гл. 6).

Способность ИВ к реализации невопросительных функций определяется самыми широкими возможностями русского предложения вообще. Парадигма коммуникативных типов предполагает парадигму функций, набор которых для всех типов идентичен. Различие лишь в том, какая функция является категориальной, а какие – нет.

Для интеррогативного высказывания некатегориальные функции – функция побуждения и функция бытийности, т.е. те, которые являются категориальными для побудительного и повествовательного типов предложений соответственно. Проявление данных функций ИВ – это не дублирование функций неинтеррогативных предложений, а средство выражения определенных экспрессивных, эмоциональных и констативных значений во всем их разнообразии.

И. М. Кобозева [7], опираясь на положения теории речевых актов, исследует вторичные функции вопросительных предложений на предмет характера нарушений условий успешности речевого акта вопроса и предлагает основывать систематизацию первичных и вторичных функций вопроса на характере отклонения данной ситуации употребления от прототипической вопросной ситуации, т.е. как некую шкалу вопросительности, где на одном ее полюсе будет находиться употребление вопросительного предложения в прототипической вопросной ситуации, а на другом – употребление вопросоподобных предложений. В работе впервые были исчислены все типы вопросительных предложений с точки зрения функций, которые они выполняют в речи.

Однако нарушение условий успешности вопроса является необходимым, но не достаточным основанием для реализации вторичных функций вопроса. ИВ, синонимичные или квазисинонимичные в их буквальном смысле, т.е. в первичной функции, имеют разные наборы вторичных функций. В некоторых случаях на функцию влияет тип установочного компонента, отражающего «субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию высказывания партнера» [1, с. 269].

Справедливым представляется мнение, что «каждая грамматическая единица может реализовать только те коннотативные значения, которые логически подготовлены ее денотативной основой» [2, с. 23]. Например, в семантической структуре ИВ сема «запрос информации» имплицитно коннотирует неуверенности, сомнения, пребывания в неизвестности и прочие, сема «адресованности» – коннотации контакта, сближения, причастности, участия и др.

Возможность ИВ выступать в несвойственной им функции позволила Н. И. Голубевой-Монаткиной называть их фразеовопросами, отражающими «концептуальные схемы положения дел в реальном мире. Эти схемы почерпнуты из человеческого опыта, и при их усвоении были выучены определенные единицы языковых фреймов, которые обеспечивают воспроизведение и адекватную интерпретацию фразеовопросов и фразеологизмов» [5, с. 40].

Подобной точки зрения придерживается И. Б. Сычева, считающая, что употребление вопросительных предложений в непрямом значении «отнюдь не опирается только лишь на прагматические факторы, т.е. не является окказиональным», а «напротив, в таких случаях мы зачастую сталкиваемся с идиоматизированными конструкциями, в которых собственно вопросительная структура интегрируется в сложный конгломерат других, прежде всего лексических, средств, который не допускает альтернативных интерпретаций или, по крайней мере, делает их достаточно сомнительными и маловероятными» [10, с. 57]. Однако это не означает, что интеррогатив в этих функциональных реализациях есть раз и навсегда застывшее явление: при изменении коммуникативных условий те же высказывания могут быть использованы в своей первичной функции.

Возможность выражения невопросительных значений ИВ обусловила связи категории интеррогативности с другими языковыми категориями, проявляющиеся в том, что ИВ принимают активное участие в формировании «чужих» полевых структур.

В сегменте пересечения поля интеррогативности и поля бытийности располагаются интеррогативные высказывания со значением утверждения или отрицания с различной степенью уверенности – риторические вопросы:

– *Откуда вы знаете, как меня зовут?*

– *Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? – здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер «Литературной газеты», и Иван Николаевич увидел на первой странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1. Гл. 1).*

Риторический вопрос служит типичным примером расхождения содержания высказывания и интенции адресанта. Адресат может воспринимать высказывание как запрос и реагировать на него в форме ответа. Однако по замыслу говорящего в его фразе не мыслится никакой запрос, а сообщается определенное мнение абсолютно позитивного характера. Г. В. Колшанский считает расхождение между структурой высказывания и языковым воплощением не простым вопросом и предлагает для анализа подобных случаев расхождения смысла и языковой формы «вычленив семантику высказывания и ее языковое воплощение и отграничить эту семантику от явлений, где намеренное искажение смысла говорящим выступает не в пределах высказывания, а в пределах определенного ситуативного контекста, то есть следует разграничить случаи лингвистического и экстралингвистического, фактологического характера» [8, с. 153-154].

В сегменте пересечения поля интеррогативности и поля побудительности располагаются интеррогативные высказывания со значением побуждения (директивные вопросительные предложения): просьбы, требования, предложения, приглашения, совета и т.д. В этом случае они относятся к периферии функционально-семантического поля (ФСП) побудительности, т.к. их грамматический статус не предполагает у них в качестве первичной побудительную функцию, например:

Сережа рассердился на меня: сжал кулаки, топнул ногой и голосом, который ясно доказывал, что он очень больно ушибся, закричал мне:

– *Ну, что это? После этого игры никакой нет! Ну, что же ты меня не ловишь? Что же ты меня не ловишь? – повторял он несколько раз (Л. Н. Толстой. Детство. Гл. XIX).*

В сегменте пересечения поля интеррогативности и ядра эмоционально-оценочного поля находятся эмоциональные интеррогативные высказывания (аффективные вопросы), а само эмоционально-оценочное поле пронизывает все поля в качестве их эмотивной оценки.

Наше выражение знаний, мнений, оценки об окружающем мире обладает эмоциональной окрашенностью. «Эмоциональность “пронизывает” всю речевую деятельность человека и закрепляется в семантике слова в качестве спецификаторов различных эмоциональных состояний» [12, с. 83]. Эмоции проникают в семантику речевых единиц и закрепляются в них, представляя собой результат взаимосвязи языка и реальности. Оценочный компонент является обязательным признаком любого высказывания и включается непосредственно в саму информацию, понимаемую как «единство трех моментов: предметного, модально-оценочного и коммуникативного» [8, с. 106].

Любое ИВ потенциально связано с самыми разнообразными эмоциональными оттенками, и его коннотации могут возникнуть именно благодаря возможности неограниченного выбора интонации для произнесения. Эмотивные ИВ просодически маркируются эмфатическим ударением, подъемом или падением интонации и могут выражать самый широкий спектр различных эмоций: возмущение, недовольство, отчаяние, мольбу, досаду, радость, восторг, удовлетворение, раздражение, гнев, негодование, ярость, упрек, укор, испуг, опасение, сомнение, удивление, восхищение, предположение. Например, в следующем фрагменте цепочка ИВ передает удивление, сомнение, негодование адресанта, а сама их «расстановка» идет по пути повышения выражения «градуса чувств»:

– *Пленум есть, – сказал Персицкий еще тише, – и две зарисовки, но они не дают мне места.*

– *Как не дают? С кем вы говорили? Что они, походили с ума?*

Секретарь побежал ругаться (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. Ч. 2. Гл. XXIV).

Эмотивные ИВ не составляют какой-то отдельный класс в системе интеррогативных предложений, т.к. эмоциональность не влияет на структуру и коммуникативную направленность. Меняется только интонация в зависимости от того, какой тип высказывания приобретает дополнительный аффективный смысл.

Таким образом, пересечение ФСП интеррогативности с другими функционально-семантическими полями проявляется в существовании прагматических функций интеррогативных высказываний, являющихся периферийными средствами выражения этих функций.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1983. Т. 42. № 3. С. 263-274.
2. Британ И. Б. Вопросительные предложения в авторской речи художественного текста (на материале произведений немецких авторов и их переводов): дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 183 с.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Шк. «Мастера рус. культуры», 1997. 574 с.
4. Валимова Г. В. Функциональные типы вопросительных предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1967. 331 с.
5. Голубева-Монаткина Н. И. Вопросы и ответы диалогической речи: классификационное исследование. М.: Едиториал УРСС, 2004. 200 с.
6. Карпушина Е. Е. Грамматическая, прагматическая и интеракциональная вариативность вопросительных конструкций: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 208 с.
7. Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности. М., 1988. С. 39-46.
8. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
9. Печникова Н. А. Коммуникативные функции вопросительных инфинитивных предложений: дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 1995. 223 с.
10. Сычева И. Б. Встречный вопрос и его функционирование в динамике диалога: дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 161 с.
11. Цурикова Л. В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1992. 173 с.
12. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1987. 192 с.

FUNCTIONAL PERIPHERY OF INTERROGATIVITY CATEGORY

Aleksandr Viktorovich Loginov, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Department of Russian Language
 Pedagogical Institute
 Michurinsk State Agrarian University
 Loginov13av@mail.ru

The author considers the peripheral non-interrogative functions of interrogativity category, such as the expression of beingness, impelling, the emotional-expressive nuances of a statement, as well as the conditions of their manifestation, connected with the neutralization of the categorial meaning of interrogativity in concrete communicative-pragmatic situations.

Key words and phrases: interrogative statement; functional-semantic category of interrogativity; neutralization; rhetorical question; imperative statement; pragmatic function.

УДК 81'1

Филологические науки

В статье рассматривается возможность использования математической фрактальной модели при исследовании дискурса как процесса упорядочения лингвистического и экстралингвистического опыта. В качестве материала исследования автор обращается к драме абсурда как типу дискурса, обладающему наиболее ярко выраженными фрактальными свойствами: симметрией, самоподобием и многомерностью.

Ключевые слова и фразы: драма абсурда; опыт; фрактал; конфликт; симметрия; уподобление; многомерность.

Елена Георгиевна Логинова, к. филол. н., доцент
 Кафедра германских языков и методики их преподавания
 Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
 e.loginova@rsu.edu.ru

**ДРАМА АБСУРДА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАКТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
 ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ УПОРЯДОЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ДИСКУРСЕ[©]**

Драма абсурда – тип дискурса, с трудом поддающийся традиционному анализу и традиционным способам исследования. Появившись в начале 50-х годов во Франции, театр абсурда получил разные названия: «антитематический», «антиреалистический», «антидрама» и др. Это связано с тем, что, на первый взгляд,